

Церемония принятия в ученики Цзин Жуна была назначена на дни после начала осени.

В Секте Сюаньтянь действовало множество строгих правил и запретов, и те, кто еще не вошел в число официальных адептов, не имели права изучать сектантские техники. Мо Линъюнь еще не прошел обряд ученичества, так что пока мог лишь следовать за обычными учениками, изучая летопись секты и записки о четырех землях и болоте.

Нин Цин вел лекции по сектантским преданиям, и на его занятиях то и дело мелькала высокая фигура Мо Линъюня, сидевшего на задних скамьях. Молодой человек неизменно улыбался открыто и лучезарно, его высокий конский хвост в сочетании с форменными одеждами выглядел опрятно и задорно, а его попытки широко раскрыть глаза, чтобы не уснуть под монотонное бормотание, выглядели весьма забавно.

Поскольку речь шла о летописи Секты Сюаньтянь, на ней неизбежно рассказывали о выдающихся личностях со времен основания секты. Ученики внутри обители уже до дыр заслушали эти истории, однако Нин Цин на занятиях все равно должен был строго следовать тексту, излагая всё по порядку, что, впрочем, было очень удобно для таких новоприбывших новичков, как Мо Линъюнь.

Наша Секта Сюаньтянь славится искусством владения мечом по всем четырем землям, и среди нас, разумеется, немало великих заклинателей меча. Сегодня мы поговорим о человеке, постигшем Меч Сяояо до совершенства — Бессмертном Мечнике Ли Чжифэне. Голос Нин Цина был чистым и мягким, он словно смягчал зной разгара лета.

Мо Линъюнь сидел, скрестив ноги, слушая, как стоящий на возвышении младший дядя-наставник мелодичным слогом рассказывает о пути меча Ли Чжифэня, и вновь незаметно отвлекся.

Сам он был человеком вольным, выросшим среди диких гор и вскормленным самой природой, а встреча с Цзин Жуном стала крутым поворотом в его ничем не примечательной жизни. Тот, кто походил на сошедшего с небес небожителя, явился словно из ниоткуда, одним взмахом длинного меча сразив целую стаю горных демонических волков.

Мо Линъюнь думал о том, что в тот момент ему, должно быть, здорово отшибло мозги волчьими ударами, раз он, вцепившись в белоснежные широкие рукава, хрипло спросил: — Можешь взять меня с собой?

Бессмертный, преисполненный сострадания ко всему живому, судя по всему, протянул ему руку еще до того, как Мо Линъюнь окончательно потерял сознание, и ответил: — Хорошо.

Когда Мо Линъюнь очнулся в следующий раз, он уже покинул Южные Земли и ступил на земную твердь Севера. Идущий рядом небожитель вглядывался в далёкие горные вершины и сообщил ему, что его зовут Цзин Жун, и отныне он — его наставник.

Мо Линъюнь уже слышал имя Цзин Жуна раньше. Если он сам был сиротой, вскормленным дикой природой, то Цзин Жун был истинным любимцем небес, прославленным по всем четырем землям непревзойденным гордецом. И эти два столь противоположных человека в конце концов пересеклись на жизненном пути.

— Наставник.

— Я здесь.

А дальше... дальше было то, что происходило сейчас.

Читающий лекцию на возвышении — его младший дядя-наставник Нин Цин. Несмотря на юный возраст, он уже ступил на Стадию Золотого Ядра, по праву считаясь редким гением, каких поискать во всем мире. Увы, на фоне природного таланта Цзин Жуна куда громче его одаренности гремела слава Нин Цина как... первого красавца Секты Сюаньтянь.

Тук-тук.

Внезапно раздавшийся стук пальцев по столешнице вернул мысли Мо Линъюня из далей. Подняв взгляд, он увидел Нин Цина, который стоял рядом с его партой и мягко произнес: — Ученик племянник, хотя в разгар лета от духоты и зноя трудно сохранять ясность ума, учебу забрасывать все же не следует.

— Ученик понимает, — Мо Линъюнь поправил осанку и ответил с абсолютно серьезным видом. Лишь теперь он заметил, что, пока предавался воспоминаниям, его голова почти свесилась за окно. То, что его за это еще не отчитали, было поистине чудом.

Трудно сказать, то ли у Нин Цина был на редкость мягкий нрав, то ли сказывались его близкие отношения с собственным наставником.

Мо Линъюнь провел в Секте Сюаньтянь уже месяц и примерно разобрался, кого ему следует запомнить. Прадед-наставник круглый год предавался уединенной медитации, и увидеть его удавалось далеко не всегда; его собственный наставник Цзин Жун унаследовал эту славную традицию старшего предка, то и дело закрываясь в затворе и исчезая из виду.

Из прочих младших дядей и тетей-наставников одного с Цзин Жуном поколения в секте оставались лишь Нин Цин да Юнь Цзин, а Цинь Уцзянь в это время пребывал в затворе.

Характер у Нин Цина был превосходный: помимо ведения лекций, он обожал выращивать цветы и возиться с травами в собственных покоях. Юнь Цзин же отличалась куда большим непостоянством и живостью, изъяснялась прямо и без затей, а порой наведывалась на Пик Линсяо, чтобы прихватить с собой карту Секты Сюаньтянь и помочь ему запомнить сородичей по секте.

Ты ведь старший ученик среди адептов твоего поколения, нужно держать себя с достоинством, — ластясь к принесенному Мо Линъюнем угощению, Юнь Цзин подняла вверх большой палец. Стоило признать, старший брат выбрал себе ученика на зависть — готовил тот просто пальчики оближешь! И дело тут было вовсе не в ее страсти к еде.

— Я ведь даже людей толком в лицо не знаю... — Мо Линъюнь скосил глаза в сторону. Возразить на слова Юнь Цзин он не мог: собственный наставник строго чтит правила секты, и сам он до сих пор не умел даже направлять ци в тело, в то время как младшие братья и сестры его поколения уже повсеместно щеголяли успешно пройденной Закладкой Основания. Представляться старшим братом целой толпе адептиков, уже завершивших Закладку Основания, обладая при этом культивацией даже ниже Стадии Закалки Дыхания, казалось ему не самой лучшей идеей.

— Хочешь, я тебя научу? — заговорщически моргая глазами, предложила Юнь Цзин, которая отрабатывала чужое угощение, и, вполне предсказуемо, услышала отказ Мо Линъюня: — Я лучше подожду наставника.

— Ну как знаешь, — бросила она так, между делом. В вопросах практики наставничество значило слишком многое: дать пару советов племяннику она еще могла, но вот вводить новичка в практику — это дело исключительно его учителя.

Цзин Жун строго придерживался древних заветов, и Мо Линъюню оставалось лишь ждать.

В ожидании прошли те дни, когда прибыла первая партия гостей, приглашенных на церемонию принятия учеников Цзин Жуна.

Мо Линъюню казалось, что Секта Сюаньтянь буквально окутана бессмертным туманом: горы прекрасны, воды чисты, и всё здесь безупречно. Теперь же даже прибывающие гости словно излучали ту самую ауру бессмертия.

Он видел, как Нин Цин во главе группы учеников обменялся приветствиями с людьми в даосских одеждах, после чего, обменявшись с ними вежливыми любезностями, повел гостей к гостевым покоем.

Мо Линъюнь и Юнь Цзин, устроившись на ветке дерева, перешептывались между собой.

— Маленькая тетя-наставник, эти люди — из Обители Чжуннань?

— Верно. Хоть Гора Чжуннань и расположена в Южных Землях, их земли можно считать лежащими ближе к северу, так что вполне закономерно, что они прибыли первыми. — Взгляд Юнь Цзин скользнул по фигуре шедшего впереди даоса, и, заметив, что процессия приближается, она поспешно увлекла Мо Линъюня вглубь густой листвы: если бы их застал старший брат Чжэлань за тем, что она таскает племянника по деревьям, быть беде!

Стоило признать, этикета среди заклинателей хватало с избытком. Проводив гостей до гостевых покоев, те вновь раскланялись и распрощались друг с другом. Прислонившись к стволу дерева, Мо Линъюнь смутно расслышал, как кто-то из свиты Обители Чжуннань обсуждал, что титул Нин Цина как первого красавца Секты Сюаньтянь вполне заслужен, что тотчас напомнило ему о прерванной ранее мысли.

— Старший брат, раз этот даос Нин ищет человека, почему бы ему не попросить тебя погадать?  
— разговор о Нин Цане продолжался.

— Кому суждено встретиться — встретятся и так, к чему гадать, — невозмутимо ответил шедший впереди даос. Мо Линъюнь не успел разобрать остальное, так как процессия Обители Чжуннань скрылась за дверями жилищ.

— Младший дядя Нин кого-то ищет? — Мо Линъюнь повернул голову. Он спросил об этом просто к слову, однако не ожидал, что обычно болтливая Юнь Цзин вдруг умолкнет. Лишь спустя мгновение она произнесла с недоброй интонацией: — Ищет слепца.

— Слепца?

— Если мы сейчас же не унесем ноги, нас поймают патрульные ученики, и тогда нам обеспечена обзорная экскурсия по Залу Дисциплины на целый день. На этот раз Юнь Цзин не стала ему отвечать, а первой прыгнула с дерева и зашагала прочь.

— Маленькая тетя-наставник, подожди меня?!

...

Тем временем, за тысячу ли отсюда, у пограничной стелы Северных Земель, показались новые путники. Легкий вероук разносил их слова далеко на север, подхватываемый дуновением ветра.

Владыка, давайте я вам погадаю. — Молодой человек, направлявшийся с юга на север и явно не знавший, куда деть избыток энергии, продолжал вести монолог третий день подряд — главным образом потому, что спутник упорно его игнорировал.

Облаченный в черные одежды мужчина с угольно-черными волосами продолжал шагать вперед, в то время как разодетый в роскошные шелка юноша, умолявший позволить ему раскинуть судьбу, все сильнее отставал.

Я смотрю, звезда вашего брака сулит перемены, боюсь, не миновать вам кровавой расплаты... Ой?! Владыка, подождите меня, Владыка?!

\*\*\*\*\*

Ранняя осень пора в Северных Землях все еще дышала зноем. Юнь Цзин, возглавлявшая встречу гостей, изнывала от скуки; перелистав пригласительные свитки, она окончательно осталась без дел. В последнее время в Северные Земли потянулось бесчисленное множество практикующих, и до нее доходили слухи, что постоянные дворы в городке у подножия гор забиты до отказа. Те же, кто получил официальные приглашения от Секты Сюаньтянь, прибывали один за другим.

Оставалось лишь дожидаться начала церемонии принятия учеников.

— Старший брат, с какой стати мы пригласили людей из Обители Иного Мира? — листая списки, Юнь Цзин неожиданно наткнулась на именные карточки Шу Хуаяня и Янь Хуая. Эта парочка рассчитала время безупречно: когда они появились у горных ворот, дежурили лишь рядовые ученики, так что их прибытия никто толкова не заметил.

Учитывая влияние Обители Иного Мира, даже без приглашений они бы нашли способ проникнуть внутрь. Лучше проявить широту взглядов самим, чем давать повод для сплетен.

Нин Цин взвешивал все за и против, прежде чем окончательно принять решение об отправке приглашений Обители Иного Мира. Будучи главной разведывательной сетью четырех земель и гордо заявляя о своем абсолютном нейтралитете, они неизбежно навлекали на себя пересуды из-за того, что их ключевая фигура — Янь Хуай — происходила из культиваторов демонов.

Если бы Секта Сюаньтянь их не пригласила, это выглядело бы проявлением слабости; если же пригласила — это порождало массу домыслов.

Поразмыслив как следует, Нин Цин решил просто пригласить двух главных лиц Обители Иного Мира: главу обители Шу Хуаяня и Владыку Янь Хуая.

Юнь Цзин вытянула из стопки свиток и поинтересовалась у стоявшего рядом ученика, принимавшего приглашения: — А те двое, что доставили карточки, вдвоем прибыли?

— Докладываю маленькой тете-наставнице, вдвоем.

— Ого, и вправду вдвоем? — повеселела Юнь Цзин и тут же любопытно допытывалась: — Ну как, ну как? Как выглядит этот их Владыка?

— Это... тот господин был в маске, я лица не разглядел. — Ученик замялся, прикинув, что молодой господин, неотступно обмахивавшийся веером, вряд ли мог оказаться тем самым легендарным Владыкой Обители Иного Мира. — А вот глава обители выглядел величественно, да и держался весьма благородно.

— Понятно, — Юнь Цзин мгновенно утратила интерес. Ее любопытство к Янь Хуаяю подогревалось главным образом тем, что все видевшие его истинное лицо твердили в один

голос: он писанный красавец, до чего же хорош собой. По мнению Юнь Цзин, если уж заикаться о красоте, то кто мог сравниться с ее старшим братом Чжэланем и старшим братом Цзин Жуном?

Впрочем, как ответил ей тогда один знакомый? Ах да, замаявшись на полуслове и скорчив вид человека, которому невероятно трудно подобрать слова, и лишь когда Юнь Цзин уже собиралась уходить, бросил вдогонку: — А мне все равно кажется, что Владыка Янь куда красивее.

Мда?! Какая глупость! Ее старшие братья Нин Цин и Цзин Жун: один — луна в человеческом облике, другой — подлинный небожитель. Разве может какой-то культиватор демонов тягаться с ними?!

Успешно взбешенная Юнь Цзин начисто позабыла, что вообще-то сама затеяла этот разговор.

Сам Нин Цин оставался абсолютно равнодушен к порывам Юнь Цзин: он сосредоточенно проверял сданные учениками итоговые работы по прошедшим занятиям, то и дело трогательно изгибая губы в легкой улыбке — судя по всему, содержание сочинений его забавляло.

Стоило ему прочитать ученикам всего одну лекцию о Бессмертном Мечнике Северного Неба Ли Чжифэне, как некоторые воспитанники в своих домашних работах выразили желание отважно покорить Девять Небес. Поразмыслив, он взял кисть и приписал на полях: Недопустимо. Девять Небес — запретная земля, в радиусе десяти ли от которой разлита божественная мощь, ступать туда смертным не дозволено.

На третий день дежурства Нин Цина и Юнь Цзин у горных ворот к ним присоединился и Мо Линъюнь — говорили, что Цзин Жун пожелал дать ему возможность получше узнать сородичей.

Мо Линъюнь по-прежнему источал неиссякаемую энергию, да и пристрастие к темным нарядам никуда не делось. Черные одежды, распущенные черные волосы и высокий хвост придавали ему отчаянную удаль, хотя, выражаясь словами Юнь Цзин, стоило добавить черную повязку на лицо — и можно смело отправляться промышлять разбоем.

— Маленькая тетя-наставник, ну разве можно так отзываться о собственном племяннике? — деланно возмутился Мо Линъюнь, в то время как Юнь Цзин заливисто хохотала. Их дружба строилась на превосходных кулинарных талантах Мо Линъюня, ради которых падкая до еды Юнь Цзин была готова почти называть его братом.

Стоило кому-то показаться на тропе, как оба они мгновенно прерывали свои шуточки, выпрямлялись во весь рост и принимали надменный вид адептов великой секты. У Нин Цина не было привычки читать нотации, поэтому он снисходительно позволял им баловаться, время от времени подавая голос и объясняя им, кто именно приближается.

— Идущий впереди — первый ученик Академии Чанчуань Дуань Чанкун, а рядом с ним — единственная дочь ректора, Чанчуань Вэйюэ.

— Люди из болота Чанчуань, редкие гости, — со вздохом отметила Юнь Цзин, после чего, словно что-то вспомнив, изумленно выдохнула: — Дуань?! Из той самой Долины Царя Лекарств?!

Нин Цин кивнул в знак подтверждения. Долина Царя Лекарств в одностороннем порядке разорвала все связи с их Сектой Сюаньтянь, и на сей раз, когда Молодой Глава Секты принимал учеников, они долго сомневались, стоит ли вообще отправлять им приглашение. Увы, юный глава Долины Царя Лекарств угодил в ученики к Академии Чанчуань, и раз уж он явился сюда лично, то, если считать через пятое колено, можно было сказать, что Секта Сюаньтянь все же пригласила людей из долины.

— При такой его дурости старый глава Долины Царя Лекарств, боюсь, лишится всех своих волос от злости. — Прекрасно зная причину вражды между двумя обителями, Юнь Цзин с довольной улыбкой проводила взглядом процессию Академии Чанчуань, направлявшуюся вглубь сектантских владений.

Нин Цин оставил это без комментариев, сосредоточившись на самом важном для Мо Линъюня: он вкратце представил ключевые фигуры, а оставшись наедине, тихо добавил: — Запомни как следует, племянник Линъюнь: для всех учеников твоего поколения, к какому бы клану или сектантской ветви они ни принадлежали, ты — старший брат. Нарушать субординацию не дозволено.

— Хорошо, дядя-наставник, — послушно отозвался Мо Линъюнь, после чего вспомнил об одной щекотливой детали: — Скажите, дядя-наставник, у меня есть вопрос. Какова, примерно говоря, наивысшая ступень культивации среди адептов моего поколения?

— Должно быть, Золотое Ядро. Первый ученик Академии Чанчуань Дуань Чанкун находится на начальной ступени Золотого Ядра.

— ...Я точно должен звать его младшим братом?

— Да.

— ...Хорошо, дядя-наставник.

Человеку, у которого еще даже не пройдена Стадия Закалки Дыхания, называть младшим братом практика Золотого Ядра — это поистине незабываемый сюрприз.